

БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

Г. Г. Господарчук

докт. экон. наук, профессор кафедры финансов и кредита Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Е. О. Сучкова

старший преподаватель кафедры банковского дела Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)

ТРАНСФОРМАЦИЯ БАЛАНСОВЫХ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ БАНКОВ КАК ИСТОЧНИК СИСТЕМНЫХ РИСКОВ¹

Актуальность

Финансовый кризис и новые нормативные требования, подготовленные международным Базельским комитетом по банковскому надзору, имели глубокое влияние на деятельность мирового банковского сектора. В поисках более доходных и одновременно более рискованных операций коммерческие банки приступили к реструктуризации своей деятельности, что привело к трансформации их балансовых бизнес-моделей.

Как отмечается в работах (Altunbas, Manganelli, Marques-Ibanez, 2011; Köhler, 2015), изменение рискогенности некоторых групп активов, вызванное макроэкономическими и финансовыми шоками, побудило банки к трансформации своих бизнес-стратегий с учетом новых экономических реалий, что отразилось в изменении структуры их активов. Однако, как справедливо заметили (Cavelaars, de Naan, Stellinga, 2013), ошибочные бизнес-модели являются показателями финансовых проблем в будущем. Поэтому надзорные органы должны иметь полное представление о том, как финансовая организация зарабатывает свои деньги и заботится о своей долгосрочной устойчивости, учитывая внешние, секторные и нормативные тенденции. Этой же точки зрения придерживается и Хилберс (Hilbers, 2013). Он полагает, что надзорным органам недостаточно следить только за финансовыми показателями, которые не всегда отражают истинную ситуацию с устойчивостью банков. Надзорным органам необходимо также вникать в менее известные области, такие как бизнес-модель, культура и поведение, а также управление учреждением.

После глобального финансового кризиса 2008 г. банковский сектор России также оказался в условиях, сдерживающих его развитие, как в связи с наступившим кризисом 2014–2015 гг., так и с ужесточением регулятивных требований со стороны Банка России. В связи с этим определенным научным интересом вызывает исследование процессов трансформации бизнес-моделей российских банков и влияния этих процессов на финансовую устойчивость банковского сектора.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00232 «Методология многоуровневой системы диагностики и регулирования финансовой стабильности» 2018–2020 гг.

Обзор литературы

Термин «бизнес-модель» имеет достаточно широкое толкование, но наиболее часто бизнес-модель характеризуется как «описание путей получения прибыли» (см., напр., Roengpitya, 2017). Бизнес-модели банков могут меняться в зависимости от увеличения рентабельности того или иного вида деятельности, кроме того, банки зачастую адаптируют свои бизнес-модели к изменениям регулятивных требований и экономической среды. По мнению авторов (Kok, 2016; Markides, Charitou, 2004; Shafer, 2005) снижение доходности того или иного продукта, ужесточение пруденциального надзора может привести к тому, что банки расширят или сократят свои операции по разным видам деятельности. В докладе Базельского комитета по банковскому надзору (BIS Working Papers, N 682 Bank business models: popularity and performance, 2017) отмечается, что в ответ на экономические вызовы многие банки предприняли попытки трансформировать свои бизнес-модели. Это, как отмечается в докладе, было вызвано по крайней мере тремя факторами.

Во-первых, Базельские подходы, реализованные после кризиса, существенно повлияли на бизнес-модели банков, требуя, чтобы банки имели более качественный капитал, ликвидные активы и умеренный уровень просроченной задолженности.

Во-вторых, банки ищут более доходные способы размещения, что позволяет им выйти из зоны низкой рентабельности после финансового кризиса.

В-третьих, изменения бизнес-модели отражают возросшую склонность банков к риску.

В результате, как подчеркивает ряд авторов (Zott, Amit, 2010; Altunbas, 2011), банки стали сокращать свою деятельность в некоторых низкодоходных областях и перенаправлять ресурсы в более рентабельные виды деятельности. Для некоторых банков трансформация бизнес-моделей ознаменовалась переходом к финансовым операциям и сокращению доли кредитных операций.

Эксперты (DeYoung, 2005; Blundell-Wignall, Atkinson, 2014) отмечают, что во многом изменение бизнес-моделей в первую очередь связано с крупнейшими, так называемыми системно значимыми банками. В ответ на растущие нормативные издержки некоторые банки стремятся рационализировать свои стратегии, сосредоточив внимание на некоторых видах операций, попадающих под меньшее регулирование. Кроме того, именно крупные, системно значимые банки изменяют структуру своих активов в пользу межбанковского кредитования и вложения в ценные бумаги, сокращая долю в «традиционном» банковском бизнесе.

Изменение бизнес-модели может повлиять на финансовое состояние банка. Как отмечают эксперты Базельского комитета по банковскому надзору, банки, зависимые от краткосрочного межбанковского финансирования, более подвержены риску, чем банки, занимающиеся традиционным кредитованием (см., напр., BIS Working Papers N 682 Bank business models: popularity and performance, 2017).

В работе (Ayadi, Arbak, 2011) одной из причин кризиса были названы крупные вложения банков в ценные бумаги и зависимость от межбанковского рынка, что делает банк уязвимым вследствие падения ликвидности и грозит «эффектом заражения» всей банковской системы. Банки, особенно крупные, стали более восприимчивы к рыночным потрясениям из-за увеличения взаимозависимости. В результате, сравнительно небольшие шоки могут иметь большие системные последствия. Эксперты Базельского комитета по банковскому надзору (Mergaerts, Vander Vennet, 2016) приходят к выводу, что схожие бизнес-модели банков, основанные на торговле ценными бумагами и зависимости от межбанковского кредитования, способствуют появлению нестабильности в финансовой системе. Систематическая недооценка

рисков приводит банки к принятию бизнес-моделей, ориентированных на получение краткосрочной прибыли и не чувствительных к риску. Кроме того, банки, бизнес-модели которых опираются на краткосрочное финансирование, усиливают процикличность банковского сектора. (Adrian, 2008; 2010).

Как отмечается экспертами в обзоре европейского банковского сектора (Ayadi et al. *Banking Business Models Monitor 2015 Europe*, 2016), именно крупные банки до сих пор придерживаются бизнес-модели, ориентированной на краткосрочное финансирование на межбанковском и фондовом рынках. Краткосрочные средства позволяют банкам достаточно быстро наращивать активы, попадая в категорию системно значимых банков, и в случае ухудшения финансового состояния рассчитывать на государственную поддержку. Кроме того, усиление зависимости крупных банков от межбанковского финансирования и вложения в ценные бумаги других банков увеличивают рискосогенность данных активов. Сопутствующими рисками реализации данной бизнес-модели также может являться «эффект заражения» при ухудшении финансового состояния банка – активного участника межбанковского рынка. Одновременно такие банки будут испытывать серьезные проблемы с ликвидностью даже при незначительной финансовой турбулентности (Brunnermeier, 2009; Adrian, Shin, 2010).

В работе (Musile Tanzi, Aruanno, Suardi, 2017) авторы приходят к выводу, что в зависимости от выбранной бизнес-модели банки могут выполнять роль как амортизатора финансовой системы при внешних шоках, так и катализатора кризиса, усиливая процикличность финансовой и экономической системы. В связи с этим, в контексте развития финансового рынка и ужесточения регулятивных требований; а также в связи с учетом фундаментальных изменений, произошедших в банковском секторе после финансового кризиса, анализ трансформации бизнес-моделей банков предоставляет полезный инструмент для лучшего понимания природы риска, присущего каждой банковской модели, и ее вклада в системный риск.

Цель и методология

Целью статьи является исследование трансформации балансовых бизнес-моделей российских банков для выявления возможных рисков для банковского сектора. В рамках исследования были выделены группы рисковых активов и проанализированы изменения структуры и рискосогенности активов российских банков за период с 1 января 2014 г. по 1 июля 2018 г. Анализ осуществлялся на основе динамических рядов данных, взятых из официальной публичной отчетности коммерческих банков. Для выявления потенциальных источников системных рисков был использован гЭп-анализ. С целью обнаружения банков, наиболее подверженных риску потери финансовой устойчивости в связи с трансформацией их бизнес-моделей, была проведена кластеризация.

Изменение структуры и рискосогенности активов российского банковского сектора

Анализ изменения структуры и рискосогенности активов российского банковского сектора был выполнен за период с 1 января 2014 г. по 1 июня 2018 г. и включал следующие группы рисковых активов: межбанковские кредиты (МБК), операции с облигациями (облигации), кредиты нефинансовым компаниям (НФК), кредиты индивидуальным предпринимателям (ИП), кредиты физическим лицам (ФЛ). Результаты этого анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1

Структура рисковых активов российского банковского сектора

Вид рисковых активов	Доля в активах на 01.01.2014, %	Доля в активах на 01.06.2018, %	Темп прироста, п.п.	Темп прироста, %
МБК	12,87	14,88	+2,01	15,62
Облигации	13,94	16,1	+2,16	15,49
Кредиты НФК	50,66	49,86	-0,8	-1,58
Кредиты ИП	1,43	0,59	-0,84	-58,74
Кредиты ФЛ	21,1	18,57	-2,53	-11,99
Всего	100	100		

Источник: авторская разработка по данным kuar.ru

Как видно из табл. 1, в анализируемом периоде структура размещения банками денежных средств существенно изменилась. Изменение структуры активов банковского сектора проявилось в снижении доли кредитов нефинансовому сектору экономики (нефинансовым компаниям, индивидуальным предпринимателям и физическим лицам) и существенным увеличением доли кредитов кредитным организациям, а также доли операций с облигациями.

На рис. 1 представлен прирост анализируемых активов (по видам) нарастающим итогом с 1 января 2014 г. по 1 июня 2018 г. В анализируемом периоде отчетливо прослеживается опережение темпов прироста вложений в МБК и облигации над темпом прироста всех активов.

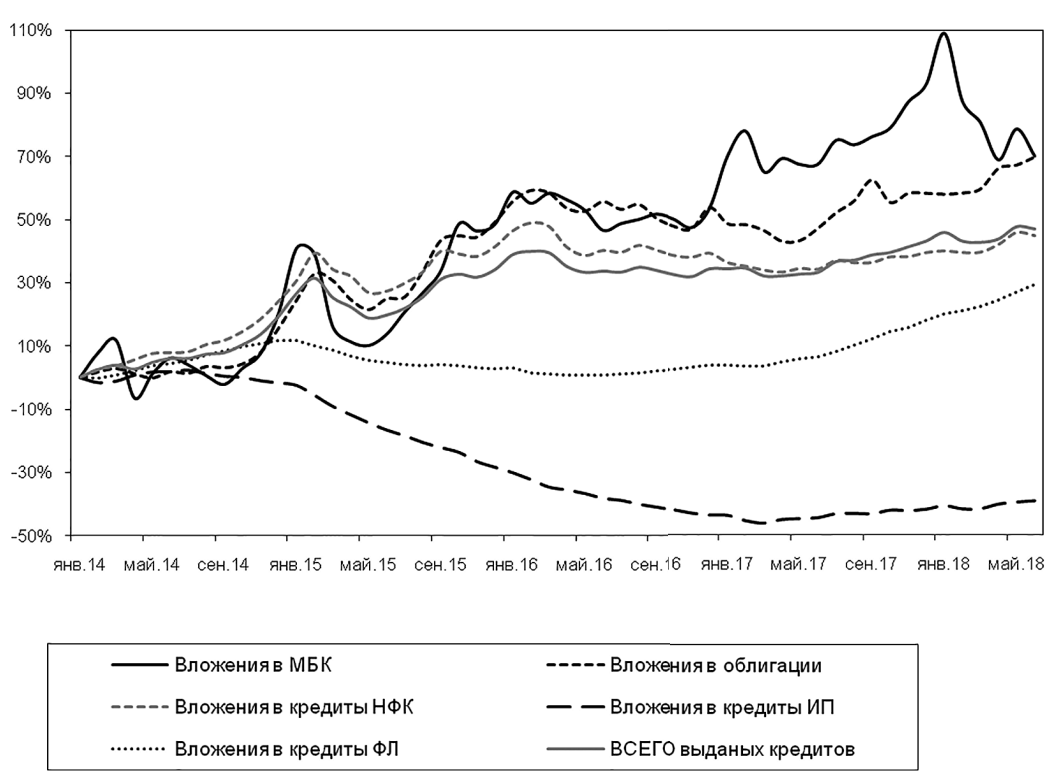

Рис. 1. Приросты объемов активных операций в 2014–2018 гг. (на начало периода), %

Источник: авторская разработка по данным kuar.ru

Изменение структуры активов банковской системы произошло, на наш взгляд, в силу следующих причин:

- слабая экономическая динамика, объективно сужающая возможности банков размещать денежные средства и получать доход (Банк России «Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2017 году». 2018, с. 6);
- ухудшение финансового состояния потенциальных заемщиков под влиянием кризисных явлений в экономике (Банк России, Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования «О чем говорят тренды». 2018, с. 55);
- высокая долговая нагрузка в традиционных для банковского кредитования секторах экономики (Банк России «Обзор финансовой стабильности». 2018. № 1 (12), с. 65);
- сохраняющиеся ограничения доступа коммерческих банков на внешние финансовые рынки (Банк России «Обзор финансовой стабильности». 2017, с. 56);
- реструктуризация портфелей активов банков, проходящих процедуру финансового оздоровления (Банк России, Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования «О чем говорят тренды». 2018, с. 24);
- введение Банком России новых регулятивных мер, которые затронули, прежде всего, кредиты нефинансовому сектору экономики (Банк России, Доклад «О национальной антициклической надбавке». 2016, с. 4).

Изменение структуры активов российского банковского сектора и, как следствие, трансформация его балансовой бизнес-модели сопровождаются изменением концентрации рисков. В табл. 2 представлена структура просроченной задолженности банковского сектора по отдельным видам рискованных активов и ее изменение за период с 1 января 2014 г. по 1 июня 2018 г.

Таблица 2

Структура просроченной задолженности российского банковского сектора, %

Вид рискованных активов	Доля в объеме просроченной задолженности на 01.01.2014, %	Доля в объеме просроченной задолженности на 01.06.2018, %	Изменение доли просроченной задолженности, п.п.	Темп прироста доли просроченной задолженности, %
МБК	0,92	4,36	3,44	373,91
Облигации	0,42	1,3	0,88	209,52
Кредиты НФК	63,66	66,48	2,82	4,43
Кредиты ИП	2,4	2,03	-0,37	-15,42
Кредиты ФЛ	32,62	25,83	-6,79	-20,82
Всего	100	100		

Источник: авторская разработка по данным кuar.ru

Из табл. 2 видно, что за период с 1 января 2014 г. по 1 июня 2018 г. существенно сократилась доля просроченной задолженности по кредитам индивидуальным предпринимателям и физическим лицам. Это явилось следствием уменьшения объемов данных операций в анализируемом периоде. Одновременно выросла доля просроченной задолженности по кредитам кредитным и нефинансовым организациям, а также по операциям с ценными бумагами. На процесс увеличения доли МБК и облигаций в просроченной задолженности банковского сектора повлияли аналогичные процессы, связанные с реструктуризацией этих активов. Увеличение доли просроченной задолженности НФК при снижении доли кредитов

по данному виду активов можно объяснить более низкими темпами снижения удельного веса этих операций по сравнению с кредитами индивидуальным предпринимателям и физическим лицам. В целом реструктуризация просроченной задолженности свидетельствует о том, что в российском банковском секторе происходит реконцентрация рисков, связанная с их перетоком на межбанковский и фондовый рынки.

На рис. 2 представлена динамика просроченной задолженности российского банковского сектора по видам активов за анализируемый период.

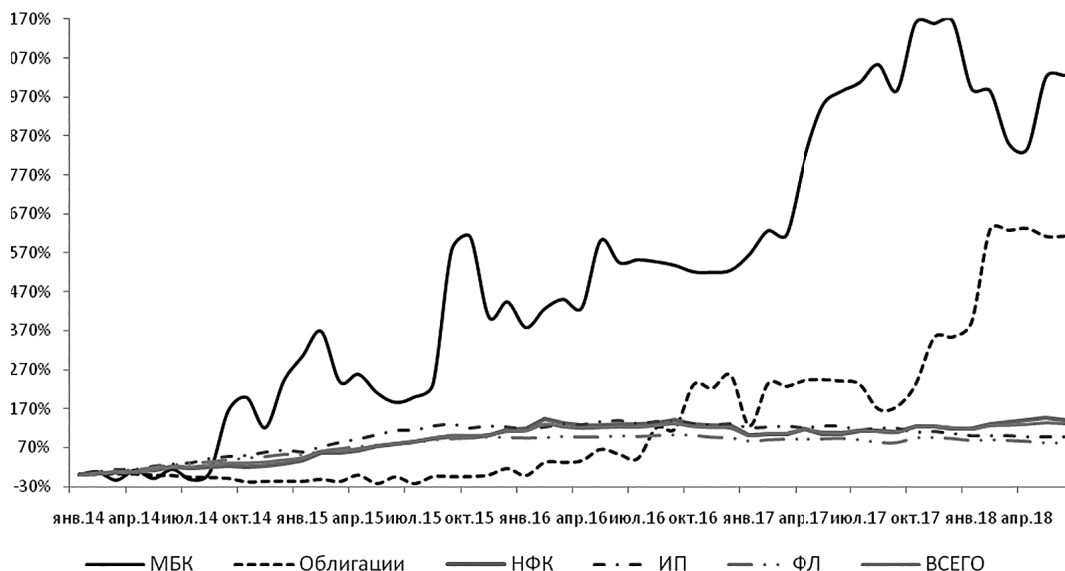

Рис. 2. Прирост просроченной задолженности по видам активов (к началу периода), %

Источник: авторская разработка по данным kuarp.ru

Представленные на рис. 2 графики демонстрируют существенное превышение темпов прироста просроченной задолженности по МБК и операциям с ценными бумагами над темпами прироста просроченной задолженности по другим видам активов. Эти тенденции свидетельствуют об усилении процессов реконцентрации рисков в российской банковской системе. При этом рост концентрации рисков в сфере МБК и операций с облигациями сопровождается повышенной волатильностью, что свидетельствует о наличии факторов нестабильности в этом виде банковской деятельности.

На рис. 3 представлено изменение рискогенности активов российского банковского сектора за период с 1 января 2014 г. по 1 июня 2018 г., рассчитанное по показателю просроченной задолженности по каждому виду рискованных активов.

Из рис. 3 видно, что за рассматриваемый период рискогенность активов банковского сектора выросла. Исключение составила только рискогенность операций по кредитованию НФК, которая уменьшилась с 10,24 до 7,15%. При этом рискогенность операций по кредитованию НФК, физических лиц, а также индивидуальных предпринимателей намного превысила совокупную рискогенность анализируемых активов.

С одной стороны, увеличение доли менее рискогенных операций (МБК и облигации) в структуре активов банковской системы не должно вызывать беспокойства относительно нарушения финансовой устойчивости банковского

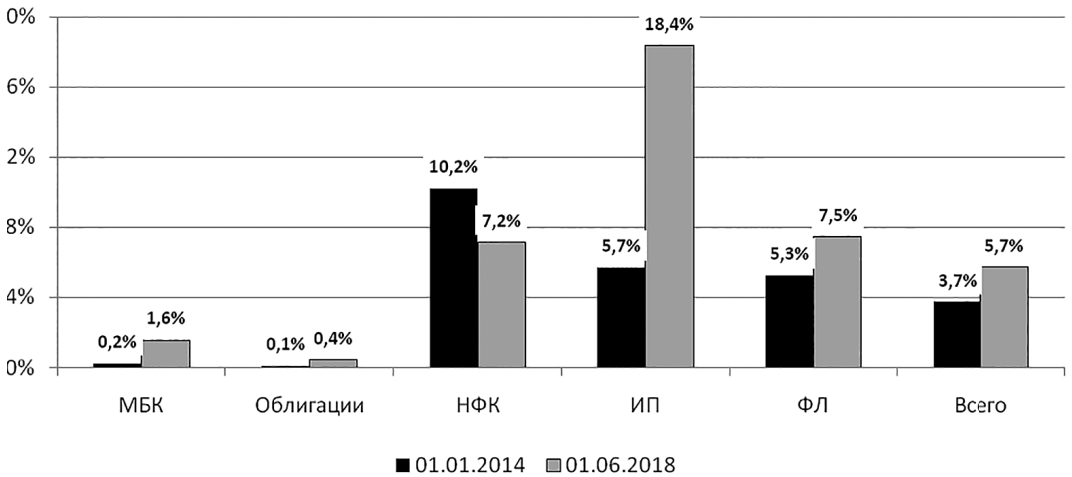

Рис. 3. Рисковенность активов российского банковского сектора, %

Источник: авторская разработка по данным kuar.ru

сектора. Однако исследование взаимосвязи динамики прироста отдельных видов рискованных активов и прироста просроченной задолженности по этим видам активов позволяет выявить дисбалансы, сигнализирующие о потенциальных угрозах устойчивости банковской системы.

На рис. 4–8 представлены графики, отображающие динамику прироста просроченной задолженности и прироста объема активов российского банковского сектора (по видам активов) нарастающим итогом к началу анализируемого периода.

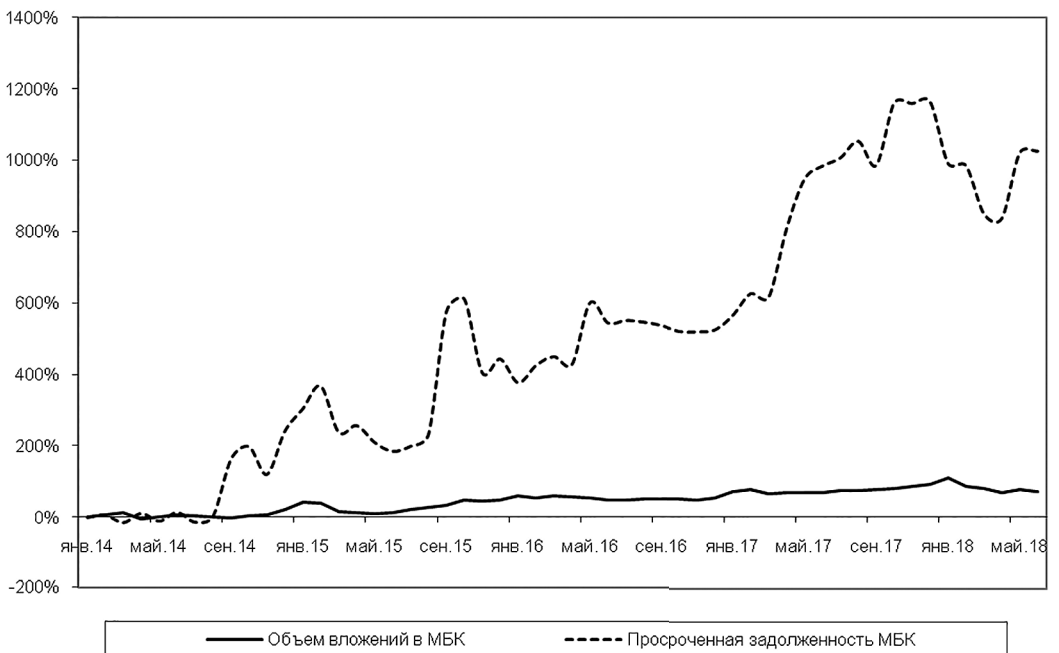

Рис. 4. Прирост просроченной задолженности и объема операций по кредитам кредитным организациям (МБК), %

Источник: авторская разработка по данным kuar.ru

Графики, представленные на рис. 4–8, наглядно подтверждают превышение темпов прироста просроченной задолженности над темпами прироста операций по всем анализируемым активам. Это говорит о росте рискогенности процессов реструктуризации активов и сигнализирует о потенциальных угрозах устойчивости банковского сектора.

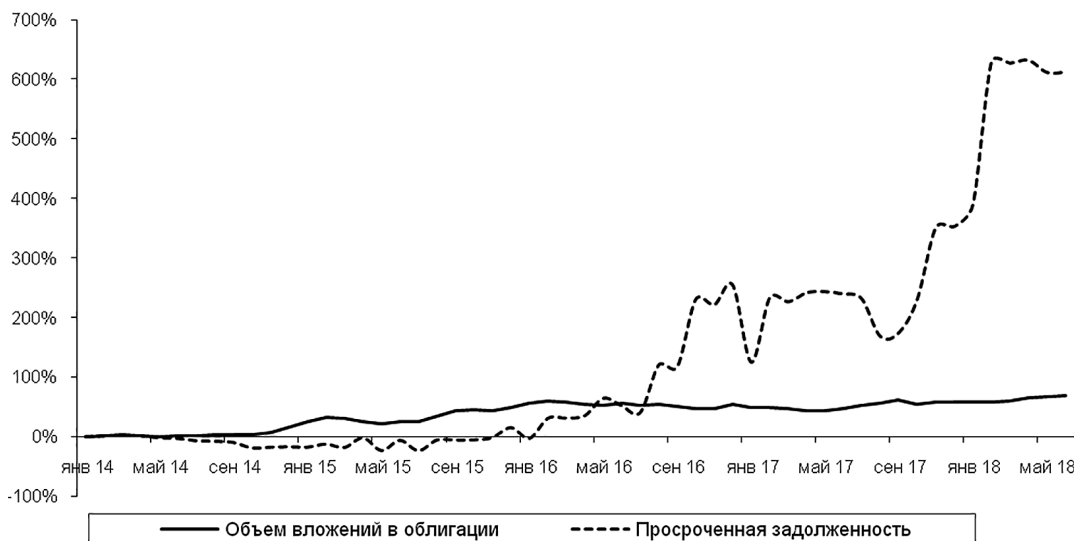

Рис. 5. Прирост просроченной задолженности и объема операций с облигациями, %

Источник: авторская разработка по данным кuar.ru

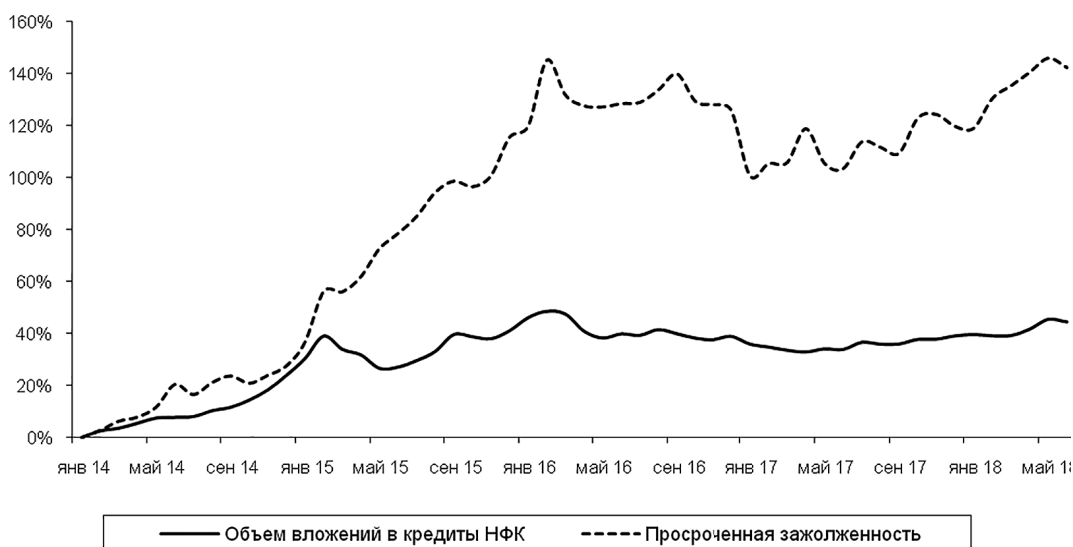

Рис. 6. Прирост просроченной задолженности и объема операций по кредитам НФК, %

Источник: авторская разработка по данным кuar.ru

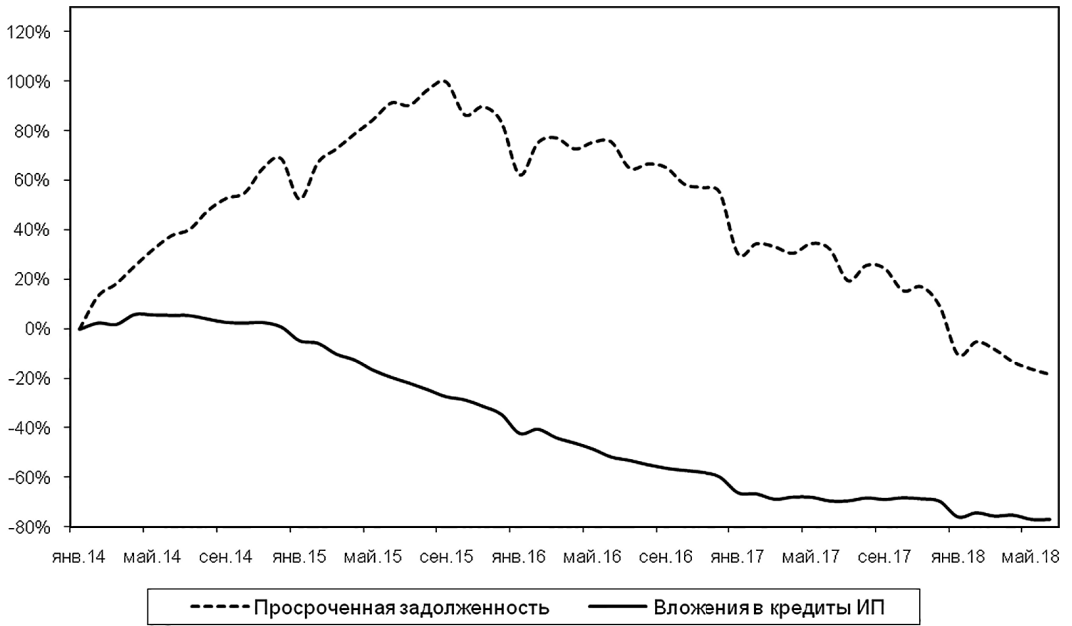

Рис. 7. Прирост просроченной задолженности и объема операций по кредитам индивидуальным предпринимателям, %

Источник: авторская разработка по данным kuar.ru

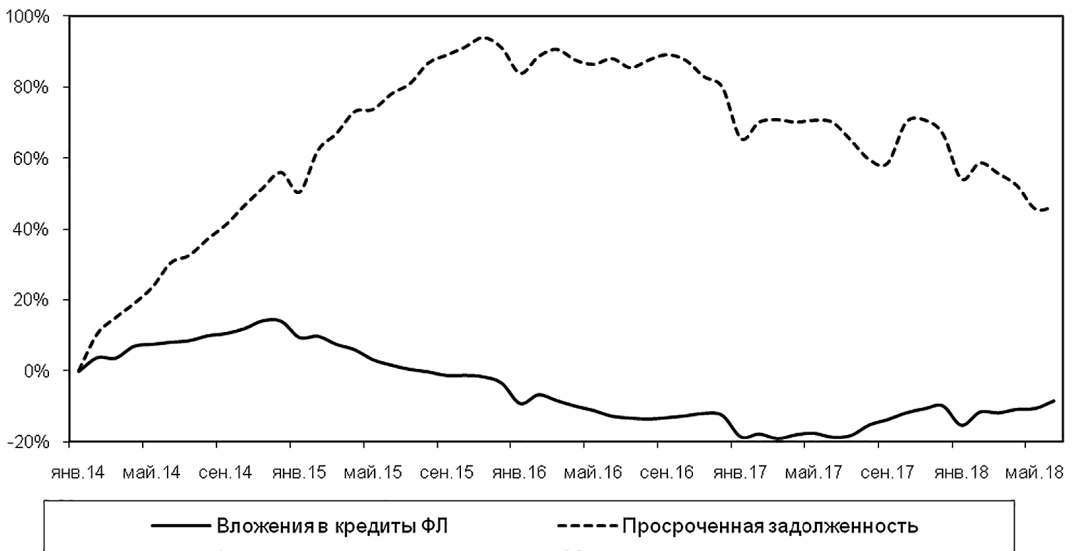

Рис. 8. Прирост просроченной задолженности и объема операций по кредитованию физических лиц, %

Источник: авторская разработка по данным kuar.ru

Из рис. 4–8 также следует, что разрыв между темпами прироста просроченной задолженности и объема активов (гэп) в течение анализируемого периода имеет ярко выраженную тенденцию к увеличению по отношению к операциям МБК, операциям с облигациями и операциям кредитования НФК. В то же самое время

гэп по операциям кредитования физических лиц и индивидуальных предпринимателей характеризуется тенденцией сжатия.

В табл. 3 представлены результаты гэп-анализа прироста просроченной задолженности и прироста объема активов по их видам в российском банковском секторе за период с 1 января 2014 г. по 1 июня 2018 г.

Таблица 3

**Гэп-анализ прироста просроченной задолженности
и объема активов в российском банковском секторе, п.п.**

Вид рисковых активов	ГЭП, п.п.	Дифференциал*
МБК	956,79	+871,7
Облигации	541,98	+456,89
Кредиты НФК	97,68	+12,59
Кредиты ИП	135,38	+50,29
Кредиты ФЛ	54,41	-30,68
Всего	85,09	-

* Отклонение от «всего».

Источник: авторская разработка по данным kuar.ru

Как можно отметить, максимальная величина превышения прироста просроченной задолженности над приростом объема операций на 1 июня 2018 г., по сравнению с 1 января 2014 г., характерна для МБК (956,79 п.п.) и операций с облигациями (541,98 п.п.), что соответствует превышению среднего уровня по банковской системе на 871,7 п.п. и 456,89 п.п. соответственно. Выявленные тенденции в росте рискогенности процессов изменения структуры активов банковского сектора свидетельствуют о потенциальных угрозах финансовой стабильности и обуславливают необходимость их мониторинга и регулирования.

Изменение структуры и рискогенности активов системно значимых банков

С целью более глубокого исследования процессов изменения структуры и рискогенности активов банковского сектора и их взаимосвязи с финансовой устойчивостью был проведен анализ трансформации бизнес-моделей российских системно значимых банков (СЗБ).

В табл. 4 приведены данные, характеризующие изменение структуры активов российских системно значимых банков за период с 1 января 2014 г. по 1 июня 2018 г.

Согласно данным, представленным в табл. 4, изменение структуры активов в сторону увеличения доли операций МБК происходило в 7 из 14 анализируемых банков, а операций с ценными бумагами – в 9 из 14 СЗБ. При этом банки, попавшие под санирование в 2017 г., продемонстрировали наиболее сильное увеличение доли этих операций, превысив показатели по банковскому сектору в несколько раз. Так, за период с 1 января 2014 г. по 1 июня 2018 г. ФК Открытие увеличил долю операций с ценными бумагами в своих активах более чем в два раза (с 21,1% до 43,1%), Промсвязьбанк увеличил долю операций МБК на 25,6 п.п. при росте этого показателя по банковскому сектору на 2,01 п.п. и долю операций с ценными бумагами – на 14,1 п.п., при росте данного показателя по банковскому сектору на 2,16 п.п. Бинбанк продемонстрировал максимальный рост не только доли операций МБК (с 10,6% до 28,5%), но и доли операций с ценными бумагами (с 16,0% до 55,5%), по сравнению с другими системно значимыми банками.

Таблица 4

Изменение структуры активов СЗБ, %

Наименование банка	МБК	Облигации	НФК	ИП	ФЛ
1. Сбербанк	3,7–5,4	12,0–11,1	47,8–47,4	1,7–0,8	19,7–21,1
2. ВТБ	28,9–8,3	7,8–6,4	45,1–45,2	0,1–0,4	0–17,0
3. Россельхозбанк	16,8–10,3	6,7–13,3	47,1–47,9	3,8–1,2	13,0–11,4
4. Газпромбанк	7,5–7,7	18,0–10,1	55,8–56,3	0–0	7,0–6,8
5. ФК Открытие	14,1–6,5	21,1–43,1	46,5–23,2	0,9–0,3	2,2–6,0
6. ВТБ 24*	18,8–34,3	4,9–1,9	7,7–4,8	2,8–1,0	53,0–46,4
7. Альфа-банк	7,2–10,1	12,7–14,6	52,4–50,1	0,2–0,1	13,3–10,5
8. Национальный Клиринговый Центр*	17,9–44,9	16,3–6,9	10,6–35,0	-	-
9. Московский кредитный банк	6,5–0,6	13,2–10,0	46,5–79,1	0–0	0,5–0,7
10. Промсвязьбанк	2,5–28,1	8,6–22,7	52,8–21,5	1,6–0,3	9,6–7,3
11. Бинбанк*	10,6–28,5	16,0–55,5	27,3–5,9	1,2–0,2	15,1–3,2
12. Райффайзенбанк	12,1–10,6	11,3–15,1	36,6–35,8	1,2–0,7	24,4–24,8
13. ЮниКредит Банк	24,2–23,9	7,5–9,4	41,3–44,9	0,2–0,1	14,8–10,2
14. Росбанк	8,3–24,7	11,8–14,1	26,6–30,5	0,8–0,2	31,1–12,7
Банковская система	12,87–14,88	13,94–16,10	50,66–49,86	1,43–0,59	21,10–18,57

* Не включенные в официальный список системно значимых банков, но соответствующие критериям системной значимости.

Источник: авторская разработка по данным kuarp.ru

На рис. 9 отражено изменение доли вложений в МБК у системно значимых кредитных организаций за анализируемый период, пунктирной линией обозначено среднее значение по российскому банковскому сектору на 1 июня 2018 г. Из рассматриваемой выборки банков шесть банков (ВТБ, ВТБ 24, Национальный клиринговый центр, Промсвязьбанк, Бинбанк и Росбанк) значительно превысили среднее значение по банковскому сектору. Важно отметить, что при этом два из них (Промсвязьбанк и Бинбанк) попали под процедуру санации.

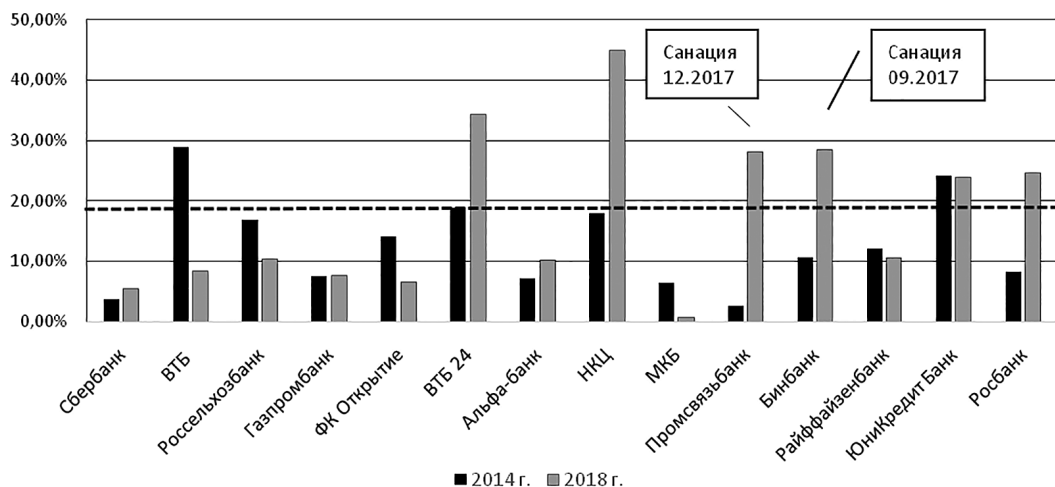

Рис. 9. Изменение объемов вложений в МБК у системно значимых банков за период 2014–2018 гг., %

Источник: авторская разработка по данным kuarp.ru

На рис. 10 отражено изменение доли вложений в облигации у системно значимых кредитных организаций за период с 2014 г. по 2018 г., пунктирной линией обозначено среднее значение по российскому банковскому сектору на 1 июня 2018 г. Как видно из рис. 10, из рассматриваемой выборки банков три банка (ФК Открытие, Промсвязьбанк и Бинбанк) значительно превысили среднее значение по банковскому сектору, при этом каждый из них попал под процедуру санации.

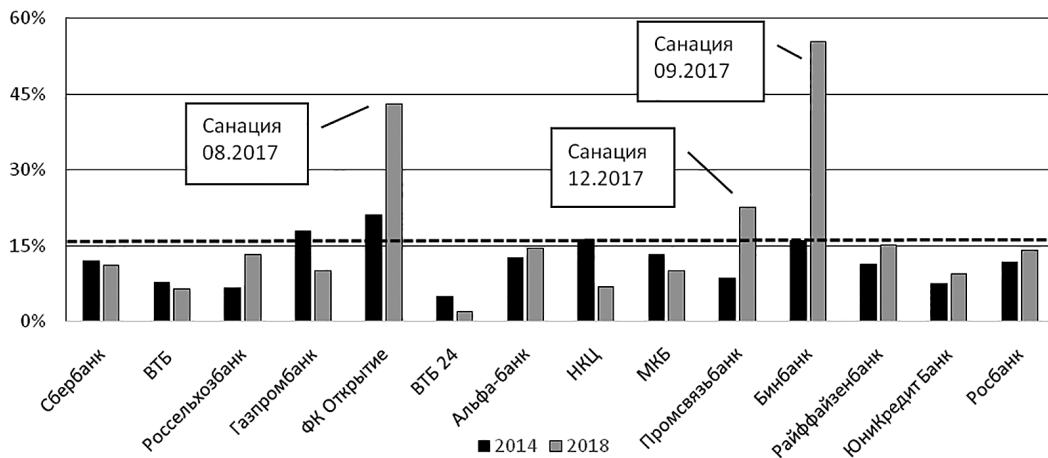

Рис. 10. Изменение объемов вложений в облигации у системно значимых банков за период 2014–2018 гг., %

Источник: авторская разработка по данным kuar.ru

Для более наглядной оценки процессов изменения структуры активов системно значимых банков был применен графический анализ, который позволяет оценить данные одновременно по двум направлениям: доля вложений в межбанковское кредитование и доля вложений в облигации (рис. 11).

На рис. 11 горизонтальная ось отображает долю вложений в МБК анализируемых банков на 1 июня 2018 г., вертикальная ось – вложения в облигации на эту же дату.

Полученные значения на графике разделяются на 4 кластера в зависимости от уровня принимаемых рисков. Границы кластеров были определены следующим образом: банки, у которых доля вложений в МБК превышает 15%¹ на анализируемую дату, характеризуются высоким уровнем принимаемых рисков. По показателю «доля вложений в облигации» данная граница определяется на уровне 16%².

Как видно из результатов графического анализа, представленного на рис. 11, в первый кластер попали банки (Промсвязьбанк и Бинбанк), которые в структуре своих активов имеют высокую долю вложений в МБК и облигации. Во втором кластере находится ФК Открытие, доля которого на рынке МБК существенно превышает средние значения по банковскому сектору. Как можно заметить, системно значимые банки, попавшие под санацию в 2017 г., являлись институциональными источниками системного риска по направлению «Операции

¹ Среднее значение по банковскому сектору на 1 июня 2018 г.

² Среднее значение по банковскому сектору на 1 июня 2018 г.

межбанковского кредитования и операции с ценными бумагами» и требовали применения к ним дополнительных специальных регулятивных инструментов. Полагаем, что более пристальное внимание регулятора к изменению структуры активов и накоплению рисков этими банками позволило бы избежать процедуры санации или существенно снизить ущерб, нанесенный этими банками как финансовому сектору, так и экономике в целом.

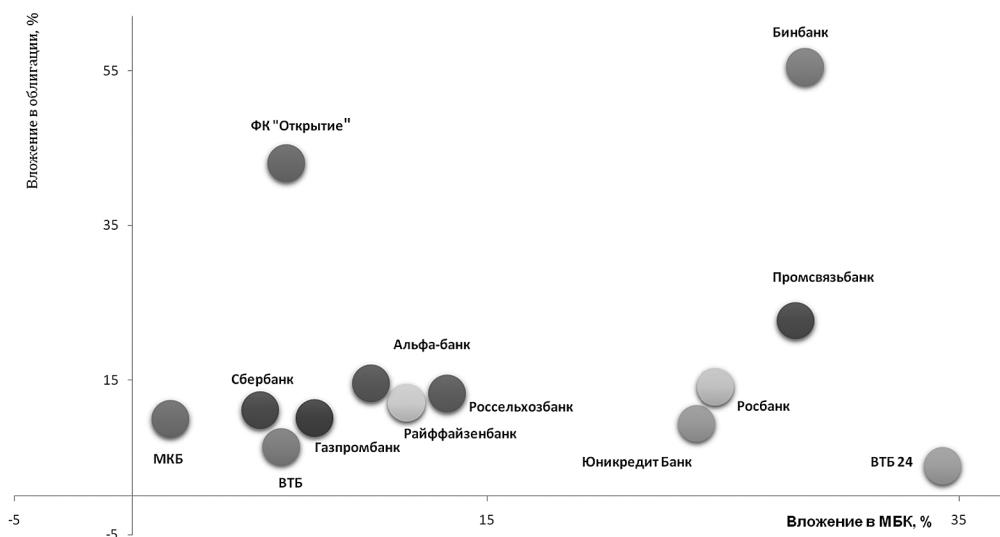

Рис. 11. Структура вложений системно значимых банков в МБК и облигации

Источник: авторская разработка по данным kuarp.ru

В табл. 5 представлены данные, отражающие динамику рискогенности процессов изменения структуры активов системно значимых банков.

Таблица 5

**Гэп прироста просроченной задолженности и прироста
рисковых активов СЗБ (01.01.2014–01.06.2018)*, п.п.**

Наименование банка	Гэп по МБК	Гэп по облигациям	Гэп по кредитам НФК	Гэп по кредитам ИП	Гэп по кредитам ФЛ
1. Сбербанк	-118,3	699,7	-18,9	179,3	97,8
2. ВТБ	-48,7	-166,6	-96,5	9539,9	-4 222 347,4***
3. Россельхозбанк	69,1	-193,7	53,8	238,5	148,0
4. Газпромбанк	24,8	22,0	443,5	-3,8	106,7
5. ФК Открытие	39,7	19306,3	1551,2	527,6	1628,7
6. ВТБ 24**	н/д	-36	124,4	81,9	-20,6
7. Альфа-банк	н/д	-279,6	388,4	329,2	47,2
8. Национальный Клиринговый Центр**	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
9. Московский кредитный банк	-38,3	790,7	1401,2	-200,0	535,8
10. Промсвязьбанк	-25,6	-20,3	782,3	132,2	562,3
11. Бинбанк**	-111,7	164027,6	60,3	12,7	111,6
12. Райффайзенбанк	-19,6	-82,6	41,5	126,7	69,2

Окончание табл. 5

Наименование банка	Гэп по МБК	Гэп по облигациям	Гэп по кредитам НФК	Гэп по кредитам ИП	Гэп по кредитам ФЛ
13. ЮниКредит Банк	-34,7	-97,5	-111,7	262,8	63,5
14. Росбанк	-16,4	-197,0	-113,4	312,4	86,2
Банковский сектор	956,79	541,98	97,68	135,38	54,41

* По ВТБ 24 изменение дано за период 1 января 2014 г. – 1 ноября 2016 г., п.п. в связи с объединением с ВТБ.

** Не включенные в официальный список системно значимых банков, но соответствующие критериям системной значимости (Господарчук, Сучкова, 2018).

*** По причине объединения с ВТБ 24.

Источник: авторская разработка по данным kuarp.ru

Как следует из данных, представленных в табл. 5, санируемые банки показали чрезвычайно высокий гэп прироста просроченной задолженности и прироста рискованных активов, особенно по операциям с облигациями и операциям с физическими лицами. Так, у ФК Открытие гэп по облигациям составил 19 306,3 п.п. и по кредитованию физических лиц – 1628,7 п.п. У Бинбанка гэп по облигациям составил 164 027,6 п.п., существенно превысив гэп по банковскому сектору (541,98 п.п.).

Несмотря на относительную устойчивость структуры активов системно значимых кредитных организаций, не проходящих процедуру санации, рискогенность их балансовых бизнес-моделей также увеличилась. Лидерами в этом процессе оказались Московский кредитный банк (по кредитам НФК) и ВТБ (по кредитам ИП). Напомним, что в анализируемый период Банком России в трех крупных банках (ПАО Банк «ФК Открытие», ПАО «Промсвязьбанк», ПАО «БИНБАНК»), контрольный пакет акций которых в настоящее время принадлежит государству, и занимающих соответственно 6-е, 10-е и 12-е места по объему активов, были выявлены проблемы с качеством активов. Это повлекло доначисление резервов и рост убытков в указанных банках. Убытки ФК Открытие были вызваны в основном переоценкой ценных бумаг. Переоценка была связана со стоимостью еврооблигаций России с погашением в 2030 г. («Россия 30»), так как банк имел на балансе более половины выпуска. Резервы в существенном объеме были досозданы по кредитам прочим банкам (2,8 млрд руб.) и кредитам корпоративным клиентам (3,8 млрд руб.). В результате полученного убытка 28 августа 2017 г. значения нормативов достаточности капитала этого банка упали ниже допустимых значений.

Накануне санации у Бинбанка на балансе было 31 млрд руб. вложений в паевые инвестиционные фонды (ПИФ), а также 17,4 млрд руб. долей в дочерних компаниях. Это составляло больше половины капитала (94,3 млрд руб.). Кроме того, Бинбанк имел более 500 млрд руб. вложений в проблемный «Рост-Банк», санацией которого Бинбанк занимался. Отметим, что резервов по этому кредиту Бинбанк не создал, что, на наш взгляд, явилось основной угрозой для капитала. От падения качества ценных бумаг ФК Открытие и ПАО «БИНБАНК» пострадали другие кредитные организации, и в первую очередь Промсвязьбанк и Московский кредитный банк, являющиеся системно значимыми. С августа 2017 г. Центробанк объявил о санации банка ФК Открытие, Бинбанка и финансировавшегося им Рост Банка, а также ПАО «Промсвязьбанк». Сейчас Фонд консолидации банковского сектора (подконтролен ЦБ) санирует группу «Открытие», в которую входят три банка — ФК Открытие, «Траст» и Росгосстрах Банк, группу Бинбанка — это сам Бинбанк, Рост Банк и «Бинбанк Диджитал» и ПАО «Промсвязьбанк».

Санация трех крупнейших банковских групп в России обошлась Центральному банку почти в 2,62 трлн руб.¹ При этом Центральный банк внес 758,3 млрд руб. в капитал saniруемых банков. В форме депозитов им было предоставлено 1,86 трлн руб.

Значительные финансовые ресурсы, потраченные государством на поддержку крупных банков, испытывающих проблемы с устойчивостью, на наш взгляд, явились следствием того, что Центральный банк не учел трансформацию бизнес-моделей этих банков, которая повлекла изменение структуры активов и, как следствие, накопление рисков.

Проведенное исследование развивает методологию диагностики финансовой стабильности, поскольку позволяет обнаружить новый источник угрозы финансовой устойчивости банковского сектора, возникающий по причине трансформации бизнес-моделей банков под влиянием изменяющихся экономических условий и регулятивных требований. Результаты исследования подтверждают выводы, сделанные другими учеными относительно рискогенности процессов реструктуризации активов и необходимости регулирования этих процессов.

Выводы

В целом, проведенное эмпирическое исследование позволило выявить следующее.

1. В условиях меняющейся макроэкономической и регулятивной среды коммерческие банки склонны трансформировать свои бизнес-модели в сторону более высокодоходных и, в то же самое время, более рискованных операций.

2. В анализируемом периоде у российских банков увеличилась доля вложений в облигации и межбанковское кредитование. Особенно заметными данные изменения были у крупных банков, входящих в перечень системно значимых кредитных организаций.

3. Реструктуризация активов как отдельных банков, так и банковского сектора в целом сопровождалась реконцентрацией рисков и ростом рискогенности их бизнес-моделей.

4. Гэп-анализ и анализ рискогенности процессов трансформации бизнес-моделей российских банков позволил доказать, что данные процессы негативно влияют на финансовую устойчивость коммерческих банков и всего банковского сектора и поэтому нуждаются в контроле со стороны надзорных органов.

5. Ускоренный рост рискогенности бизнес-моделей банков привел к потере финансовой устойчивости некоторыми из них (ФК Открытие, Бинбанк и Промсвязьбанк).

6. Совпадение результатов эмпирического исследования с фактами передачи банков на санацию (отзыва лицензий) подтвердило правомерность полученных в результате исследования выводов.

Источники

Банк России «Обзор финансовой стабильности». 2018. № 1 (12). [Электронный ресурс]. URL: http://cbr.ru/publ/Stability/OFS_17-03.pdf.

Банк России «Обзор финансовой стабильности». 2017. № 2 (11). [Электронный ресурс]. URL: http://cbr.ru/publ/Stability/OFS_17-02.pdf.

Банк России «О национальной антициклической надбавке». 2916, дек. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/50246/Report_1612.pdf.

¹ <http://polit.ru/news/2018/06/06/cbr/>

Банк России, Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования «О чем говорят тренды». 2018, апр. [Электронный ресурс]. URL: http://cbr.ru/Collection/Collection/File/5913/bulletin_18-03.pdf.

Банк России, Бюллетень Департамента исследований и прогнозирования «О чем говорят тренды». 2018, июль. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/7394/bulletin_18-05.pdf.

Банк России «Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2017 году». 2018. [Электронный ресурс]. URL: http://cbr.ru/publ/bsr/bsr_2017.pdf

Господарчук Г. Г., Сучкова Е. О. Совершенствование критериев идентификации системно значимых банков на основе кросс-секторального подхода // *Финансы: теория и практика*. 2018. Т. 22. № 4. С. 18–38.

Altunbas Y., Manganelli S., Marques-Ibanez D. Bank Risk During the Financial Crisis: do Business Models Matter? 2011.

Ayadi R. et al. Banking Business Models Monitor 2015: Europe. 2016.

Ayadi R., Arbak E., Pieter De Groen W. Business Models in European Banking: A pre-and Post-crisis Screening. 2011.

Ayadi R., De Groen W. Banking Business Models Monitor 2014: Europe. 2014.

BIS Working Papers No 682. Bank Business Models: Popularity and Performance. December 2017.

Blundell-Wignall A., Atkinson P., Roulet C. Bank Business Models and the Basel System // *OECD Journal: Financial Market Trends*. 2014. Vol. 2013. N 2. P. 43–68.

DeYoung R. The Performance of Internet-based business Models: Evidence From the Banking Industry // *The Journal of Business*. 2005. Vol. 78. N 3. P. 893–948.

Dietz M., Härle P., Khanna S. A Digital Crack in Bankings Business-model // *Transactions*. 2016. Vol. 577. P. 483–495.

Hilbers P. et al. Measuring the Effects of Financial Sector Supervision. 2013.

Hryckiewicz A., Kozłowski Ł. Banking Business Models and the Nature of Financial Crisis // *Journal of International Money and Finance*. 2017. Vol. 71. P. 1–24.

Köhler M. Which Banks are More Risky? The Impact of Business Models on Bank Stability // *Journal of Financial Stability*. 2015. Vol. 16. P. 195–212.

Kok C., Moré C., Pancaro C. Recent Trends in Euro Area Banks Business Models and Implications for Banking Sector Stability // *Financial Stability Review*. May 2016.

Markides C., Charitou C.D. Competing with Dual Business Models: a Contingency Approach // *Academy of Management Perspectives*. 2004. Vol. 18. N 3. P. 22–36.

Mergaerts F., Vander Vennet R. Business Models and Bank Performance: a Long-Term Perspective // *Journal of Financial Stability*. 2016. Vol. 22. P. 57–75.

Musile Tanzi P., Aruanno E., Suardi M. A European Banking Business Models Analysis: the Investment Services Case // *Journal of Financial Regulation and Compliance*. 2018. Vol. 26. N 1. P. 35–57.

Cavelaars P. et al. Challenges for Financial Sector Supervision // *Netherlands Central Bank, Research Department*, 2013. N 1106.

Roengpitya R. et al. Bank Business Models: Popularity and Performance. 2017.

Shafer S. M., Smith H. J., Linder J. C. The Power of Business Models // *Business Horizons*. 2005. Vol. 48. N 3. P. 199–207.

Teece D.J. Business Models, Business Strategy and Innovation // *Long Range Planning*. 2010. Vol. 43. N 2–3. P. 172–194.

Zott C., Amit R. Business Model Design: an Activity System Perspective // *Long Range Planning*. 2010. Vol. 43. N 2–3. P. 216–226.

References

Altunbas Y., Manganelli S., Marques-Ibanez D. *Bank Risk During the Financial Crisis: do Business Models Matter?* 2011.

Ayadi R. et al. *Banking Business Models Monitor 2015: Europe*. 2016.

Ayadi R., Arbak E., Pieter De Groen W. *Business Models in European Banking: A pre-and Post-crisis Screening*. 2011.

Ayadi R., De Groen W. *Banking Business Models Monitor 2014: Europe*. 2014.

Bank Rossii «Obzor finansovoj stabil'nosti», N 1 (12), 2018 g. [*Bank of Russia Financial Stability Review*]. Available at:http://cbr.ru/publ/Stability/OFS_17-03.pdf (In Russian)

- Bank Rossii «Obzor finansovoj stabil'nosti»*, N 2 (11), 2017 g [*Bank of Russia Financial Stability Review*]. Available at: [http://cbr.ru/publ/Stability/OFS_17-02.pdf]. (In Russian)
- Bank Rossii «O nacional'noj anticiklicheskoj nadbavke»*, Dekabr' 2016 g. Bank of Russia [On the national countercyclical buffer]. Available at: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/50246/Report_1612.pdf. (In Russian)
- Bank Rossii Byulleten' Departamenta issledovanij i prognozirovaniya «O chyom govoryat trendy»*, Aprel' 2018 g. [*Bank of Russia Bulletin of the Research and Forecasting Department "What trends are saying"*]. Available at: http://cbr.ru/Collection/Collection/File/5913/bulletin_18-03.pdf. (In Russian)
- Bank Rossii, Byulleten' Departamenta issledovanij i prognozirovaniya «O chyom govoryat trendy»*, Iyul' 2018 g. [*Bank of Russia Bulletin of the Research and Forecasting Department "What trends are saying"*]. Available at: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/7394/bulletin_18-05.pdf. (In Russian)
- Bank Rossii «Otchet o razvitii bankovskogo sektora i bankovskogo nadzora v 2017 godu»*. 2018 [*Bank of Russia Report on the development of the banking sector and banking supervision in 2017*]. Available at: http://cbr.ru/publ/bsr/bsr_2017.pdf. (In Russian)
- BIS Working Papers N 682. Bank Business Models: Popularity and Performance*. December 2017.
- Blundell-Wignall A., Atkinson P., Roulet C. Bank Business Models and the Basel System. *OECD Journal: Financial Market Trends*, 2014, vol. 2013, N 2, pp. 43–68.
- Cavelaars P. et al. Challenges for Financial Sector Supervision. *Netherlands Central Bank, Research Department*, 2013, N 1106.
- DeYoung R. The Performance of Internet-based business Models: Evidence From the Banking Industry. *The Journal of Business*, 2005, vol. 78, N 3, pp. 893–948.
- Dietz M., Härle P., Khanna S. A Digital Crack in Bankings Business-model. *Transactions*, 2016, vol. 577, pp. 483–495.
- Gospodarchuk G. G., Suchkova E. O. Sovershenstvovanie kriteriev identifikacii sistemno znachimyh bankov na osnove kross-sektoral'nogo podhoda [The Improvement of Criteria for Identification of Systemically Important Banks Based on Cross-Sectoral Approach]. *Finansy: Teoriya i Praktika. [Finance: Theory and Practice]*, 2018, vol. 22, N 4, pp. 18–38. (In Russian)
- Hilbers P. et al. *Measuring the Effects of Financial Sector Supervision*. 2013.
- Hryckiewicz A., Kozłowski Ł. Banking Business Models and the Nature of Financial Crisis. *Journal of International Money and Finance*, 2017, vol. 71, pp. 1–24.
- Köhler M. Which Banks are More Risky? The Impact of Business Models on Bank Stability. *Journal of Financial Stability*, 2015, vol. 16, pp. 195–212.
- Kok C., Moré C., Pancaro C. Recent Trends in Euro Area Banks Business Models and Implications for Banking Sector Stability. *Financial Stability Review*, May 2016.
- Markides C., Charitou C.D. Competing with Dual Business Models: a Contingency Approach. *Academy of Management Perspectives*, 2004, vol. 18, N 3, pp. 22–36.
- Mergaerts F., Vander Vennet R. Business Models and Bank Performance: a Long-Term Perspective. *Journal of Financial Stability*, 2016, vol. 22, pp. 57–75.
- Musile Tanzi P., Aruanno E., Suardi M. A European Banking Business Models Analysis: the Investment Services Case. *Journal of Financial Regulation and Compliance*, 2018, vol. 26, N. 1, pp. 35–57.
- Roengpitya R. et al. *Bank Business Models: Popularity and Performance*, 2017.
- Shafer S. M., Smith H. J., Linder J. C. The Power of Business Models. *Business Horizons*, 2005, vol. 48, N 3, pp. 199–207.
- Teece D. J. Business Models, Business Strategy and Innovation. *Long Range Planning*, 2010, vol. 43, N 2–3, pp. 172–194.
- Zott C., Amit R. Business Model Design: an Activity System Perspective. *Long Range Planning*, 2010, vol. 43, N 2–3, pp. 216–226.